ГРАФЪ М. М. СПЕРАНСКІЙ.

I.

Замѣтки П. И. Савваитова.

Недавно, совершенно случайно, попалось мнѣ стихотвореніе, подъ заглавіемъ „Дополненіе къ вчерашнему разговору“ Словцова съ Сперанскимъ, которое сообщилъ я „Русской Старинѣ“ въ томъ видѣ, въ какомъ оно удержалось въ моей памяти, т.-е. съ грѣхомъ пополамъ („Русская Старина“, изд. 1872 г. т. V, стр. 81). Теперь представляю это стихотвореніе въ полномъ и исправномъ видѣ.

Дополненіе къ вчерашнему разговору.

27 февраля (1796 г.).

Полно, другъ, съ фортуною считаться
И казать ей философскій взоръ;
Время съ разсужденіемъ разстаться,
Если счастіе катѝтъ на дворъ.

Лучше съ свѣтомъ въ вихрь тебѣ пуститься
И крутиться по степямъ честей,
Чѣмъ въ пустыню съ Прологомъ забиться
И посохнуть съ горя безъ людей.

Вѣтеръ вѣетъ вамъ благополучный:
Для чего-жъ сидѣть бы взаперти?
Для чего вдаваться мысли скучной,
Что застигнетъ буря на пути?

Правильно ты вѣсилъ свѣта мўку,
Тяжесть золотыхъ его цѣпей;
Но ты взвѣсилъ ли монаховъ скуку,
И сочелъ ли, сколько грузу въ ней?

Пестра мантія съ златыми рясны
Хоть закроетъ стать твою и ходъ;

Но закроетъ ли глаза невластны
От плутовокъ-набожныхъ красотъ,

Кои въ церковь съ полыми грудями
Ходятъ показаться женихамъ,
И, предъ образомъ курясь духами,
Отъ сердецъ пріемлютъ ѳиміамъ?

Трудно отъ заразъ ихъ защититься,
Хоть себя крестъ-на-крестъ огради;
Вѣчно сердце станетъ биться,
Панагія хоть и на груди.

Панагія, другъ, не крѣпки латы,
И блестяща митра вѣдь не шлемъ;
Ежели шалунъ-амуръ крылатый
Грянетъ въ архипастырскій теремъ.

Полно, другъ мой, мыслями рпстаться;
Полно, сидя съ книгой, умъ копить;
Время, время съ пристанью разстаться
И по вѣтру парусъ распустить.

Какъ гальотъ твой по зыбямъ помчится,
Такъ причаль за бортъ и мой челнокъ.
Если валъ девятый и случится,
То ударъ мнѣ съ боку, чай, легокъ.

П. А. Словцовъ.

Къ слову о Сперанскомъ, пользуюсь случаемъ сообщить для записной книжки „Русской Старины" слѣдующія замѣтки:

1.

Проводивъ Сперанскаго изъ Грузина до самой пристани (на Волховѣ), графъ Аракчеевъ пригласилъ къ себѣ на вечерній чай Н. С. Ильинскаго, П. А. Клейнмихеля, домашняго своего доктора и еще кого-то. За чаемъ начался разговоръ объ уѣхавшемъ гостѣ. „Знаете-ли, какой это человѣкъ? сказалъ графъ: если бы у меня была треть ума Сперанскаго, я былъ бы великимъ человѣкомъ".

Это слышалъ я отъ упомянутаго Н. С. Ильинскаго, который при Аракчеевѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ протоіереемъ Грузинскаго Андреевскаго собора. Много любопытныхъ подробностей разсказывалъ мнѣ Николай Степановичъ о грузинской жизни графа; я просилъ почтеннаго разскащика написать эти подробности вмѣстѣ съ другими воспоминаніями о жизни въ Грузинѣ, и онъ обѣщалъ исполнить мою просьбу. Но послѣ неоднократныхъ напомина-

ній о томъ, принялся ли онъ писать свои Воспоминанія, онъ сказалъ мнѣ однажды: „Принимался, да не могу. Графъ дѣлалъ мнѣ добро; но правду писать объ немъ надобно не чернилами, а кровью".

2.

Замѣчателенъ случай, заставившій Николая Степановича Ильинскаго оставить Грузино. Когда зарѣзана была любовница Аракчеева, Настасья, графъ приказалъ похоронить ее въ Грузинскомъ соборѣ, рядомъ съ могилой, которую онъ приготовилъ для себя. Для избѣжанія какихъ-нибудь непріятностей отъ своего начальства, Николай Степановичъ послалъ донесеніе объ этомъ преосвященному Моисею, тогдашнему викарію новгородскому, и просилъ разрѣшенія исполнить требованіе графа. Въ это время извѣстный архимандритъ Фотій, отправляясь въ Грузино—утѣшать Аракчеева и, конечно, принять участіе въ погребеніи его возлюбленной, посѣтилъ преосвященнаго Моисея и узналъ отъ него о полученномъ изъ Грузина донесеніи; по пріѣздѣ въ Грузино, онъ сообщилъ объ этомъ графу. Аракчеевъ вскипѣлъ гнѣвомъ на своего протоіерея и, между разными угрозами, сказалъ: „Ему не будетъ мѣста не только въ Сибири, а и на землѣ!" Когда вѣсть объ этомъ дошла до Николая Степановича, то онъ поспѣшилъ обратиться къ митрополиту Серафиму съ просьбою, чтобъ владыка перевелъ его куда-нибудь изъ Грузина. Митрополитъ опредѣлилъ его протоіереемъ въ соборъ Боровичскій. Отсюда онъ былъ впослѣдствіи переведенъ въ Петербургъ, къ церкви апостола Матѳея, а потомъ на Волковское кладбище; наконецъ принялъ монашество съ именемъ Никанора, и 3 іюля 1863 года скончался архимандритомъ и намѣстникомъ Александроневской лавры. Почтенна должна быть память его для духовенства с.-петербургской епархіи: его стараніемъ устроена домовая церковь въ Александроневскомъ училищѣ; его усердію обязанъ своимъ основаніемъ и Александроневскій домъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія; его многотрудными заботами умиротворено духовенство всего Шлиссельбургскаго уѣзда, и проч. и проч.

3.

Отъ того же Н. С. Ильинскаго слышалъ я и слѣдующій разсказъ объ Аракчеевѣ: обязанный первоначальнымъ своимъ возвышеніемъ императору Павлу Петровичу, Аракчеевъ до конца жизни глубоко чтилъ память своего благодѣтеля. Въ грузинскомъ саду, неподалеку отъ дома, въ которомъ жилъ Аракчеевъ, былъ поставленъ бюстъ императора. Въ лѣтнее время, когда Аракчееву угодно было приглашать къ себѣ на обѣдъ грузинскую служебную знать, обѣденный столъ въ

хорошую погоду обыкновенно накрывался у этого бюста, противъ котораго всегда оставлялось незанятое мѣсто и во время обѣда ставилась на столъ каждая перемѣна кушанья; въ концѣ обѣда подавался кофе, и Аракчеевъ, взявши первую чашку, выливалъ ее къ подножію императорскаго бюста; послѣ этого возлiянiя онъ бралъ для себя уже другую чашку.

4.

Вспомнился мнѣ еще одинъ разсказъ о графѣ Аракчеевѣ, слышанный мною отъ А. С. Норова. Отецъ Авраама Сергѣевича былъ хорошо знакóмъ съ Аракчеевымъ, который, по этому знакомству, и покровительствовалъ Норовымъ въ первые годы ихъ службы. Бывши уже въ чинѣ полковника, Авраамъ Сергѣевичъ вздумалъ просить себѣ у императора Александра I губернаторской должности. На другой или на третiй день послѣ того, какъ онъ подалъ объ этомъ прошенiе государю, графъ Аракчеевъ пригласилъ его къ себѣ.

„Благодари меня“, сказалъ ему графъ, поздоровавшись съ нимъ.

— Благодарю покорно, хотя еще и не знаю — за что, отвѣчалъ ему Авраамъ Сергѣевичъ.

„Да хорошенько благодари — за то, что я успѣлъ оказать тебѣ большое благодѣянiе. Ты просилъ государя сдѣлать тебя губернаторомъ; вѣдь государь чуть-было ни согласился на твою просьбу, да, къ твоему счастью, я остановилъ его. Знаю я, что ты храбрый офицеръ, что ты человѣкъ добрый; но какой ты губернаторъ? по своей добротѣ, ты испортилъ бы всю губернiю, да и самъ попался бы въ непрiятное положенiе“.

Сообщ. **П. И. Савваитовъ.**

II.